

Игорь Васильевич Стебаев: образование, наука, социум

Igor Vasil'evich Stebaev: education, science, society

Ж.И. Резникова
Zh.I. Reznikova

Институт систематики и экологии животных СО РАН, ул. Фрунзе 11, Новосибирск 630091 Россия. E-mail: zhanna@reznikova.net.
Institute of Systematics and Ecology of Animals, Siberian Branch RAS, Frunze str. 11, Novosibirsk 630091 Russia.

Ключевые слова: И.В. Стебаев, кафедра общей биологии НГУ, мирмекология, ортоптерология, почвенная зоология, этология.

Key words: I.V. Stebaev, Department of General Biology of NSU, myrmecology, orthopterozoology, soil zoology, ethology.

Резюме. Приведены личные воспоминания и впечатления о роли И.В. Стебаева в становлении и развитии кафедры общей биологии НГУ с 1967 до середины 1980-х гг. и значении его многогранной личности в развитии мирмекологии, ортоптерологии, почвенной зоологии и этологии в Сибири.

Abstract. Personal memories on the role of I. V. Stebaev in the development of the Department of General Biology of Novosibirsk State University from 1967 until the mid-1980s are detailed and his influence on the development of myrmecology, orthopterozoology, soil zoology and ethology in Siberia is considered.

Когда я впервые встретила Игоря Васильевича в 1967 г., будучи первокурсницей НГУ, он очень напоминал д'Артаньяна периода «Двадцать лет спустя», то есть сорокалетнего (ему и было 42 года). Подвижный, порывистый, с яркими синими глазами и тёмной эспаньолкой, воспламеняющийся и воспламеняющий. Его лекции по зоологии беспозвоночных походили на эпические батальные полотна, где представители разных эволюционных ветвей сталкивались, скрежеща раковинами, панцирями и клешнями, разверзались морские бездны, горные цепи возникали на наших изумлённых глазах и пропадали в тумане истории, подчиняясь процессам сукцессии. Наука и искусство всегда шли у Игоря Васильевича рука об руку. Он увлекался живописью и поэзией и сам писал маслом и сочинял стихи. Его образное мышление, помноженное на биосферный подход и дополненное фундаментальными знаниями не только в биологии, но и в геоморфологии, ландшафтоведении, почвоведении, зоогеографии, давало на лекциях эффект, потрясающий воображение. Стены аудитории увешивали огромными таблицами, которые, надо сказать, не упрощали восприятие крайне интенсивного курса, а, скорее, давали дополнительную пищу уму. Лекции были насыщены терминами, а темп подачи материала был настолько высоким, что вчерашние

школьники не всегда улавливали не только научную терминологию, но и обычные латинские названия животных. Помнится, мы шёпотом спрашивали друг друга, кто такие «кефаль-аль-каиды» (цефалокариды). Оставалось, однако, отчётливое впечатление соприкосновения с неведомым доселе миром и с необычным подходом, который можно назвать научно-поэтическим.

Университет был тогда ещё молод — первый набор на биологическое отделение ФЕНА был проведён в 1961 г. Кафедра общей биологии вначале была единой, и ею руководил директор ИЦиГ СО АН СССР Д.К. Беляев. Именно в год моего поступления (в 1967–1968 учебном году) эта кафедра разделилась на две — цитологии и генетики и общей биологии, которую возглавил И.В. Стебаев, тогда — кандидат биологических наук, выпускник МГУ (кафедра энтомологии) и бывший сотрудник Института морфологии животных им. А.Н. Северцова АН СССР (современный Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН).

Игорь Васильевич, приехавший в Новосибирск в 1960 г., был прямым учеником и наследником идей известного ортоптеролога Г.Я. Бей-Биенко и основателя школы почвенной зоологии в Советском Союзе М.С. Гилярова. На кафедре им были заложены ростки сразу нескольких научных направлений. Объектами исследования служили почвенные беспозвоночные, муравьи, жуки, саранчовые (особенно любимые Игорем Васильевичем), а впоследствии круг изучаемых объектов расширился за счёт ещё нескольких групп организмов, от почвенных бактерий до стрекоз и шмелей. Игорь Васильевич профессионально занимался почвоведением, собрал на кафедре богатую коллекцию самостоятельно сделанных почвенных профилей, и ни одна студенческая полевая практика не обходилась без экскурсий на почвенные разрезы. Это сочетание интереса к почвам, ландшафтам — «земной базе» экологии — с живым увлечением наблюдениями за

животными и их поведением в природе и в лаборатории, несомненно, делало подход И.В. Стебаева к изучению природных явлений оригинальным и глубоким. Будучи по природе учёным-энциклопедистом, он по своей исходной биологической специальности являлся, пожалуй, биогеоценологом. Об этом говорит и тема его докторской диссертации (1971): «Экологическое своеобразие и пространственная структура почвенно-зоологических комплексов каштановых и сопутствующих им почв гор юга Сибири».

Материальная и научная базы кафедры создавались с нуля. Так, коллекция демонстрационных препаратов началась с многочисленных представителей фауны (главным образом морских животных) Дальнего Востока, собранных на студенческой практике под руководством Игоря Васильевича. Преподавателей и сотрудников было в первые годы совсем немного, и все они были заряжены энтузиазмом заведующего, что, конечно, сказывалось и на студентах. Лекции по кафедре читали Кира Аркадьевна Соболевская (возглавляющая тогда ЦСБС СО АН СССР), Аргента Антониновна Титлянова (тогда — зам. декана ФЕН, ученица и сотрудница Н.В. Тимофеева-Ресовского), Нинель Борисовна Христолюбова, Сергей Семёнович Фолитарек (последние два — профессора, выпускники МГУ). Штатными сотрудниками и преподавателями, первыми соратниками И.В. Стебаева по кафедре, были З.И. Гладкова, В.М. Далецкая, В.В. Волковинцер, В.Г. Мордкович (тогда — молодой препаратор).

Правой рукой Игоря Васильевича была Зоя Филипповна Павлова, которая вела вместе с ним и летнюю практику по зоологии беспозвоночных, и лабораторные занятия по этому предмету. Со студентами она была сурова и беспощадна. В её-то руки мы и попали, когда Игорь Васильевич, угодив в том семестре в автоаварию, надолго оставил курс, вернувшись уже к самым последним лекциям перед сессией. Однако полученного на немногих прослушанных лекциях заряда мне хватило для того, чтобы увлечься энтомологией.

Хорошо помню момент, когда я после лекции ломким от волнения голосом спросила «Игорь Васильевич, а можно на летней практике заниматься муравьями?» И ответ: «Хотите заниматься муравьями? Пойдемте же, пойдемте!» Увлекаемая Игорем Васильевичем в комнатку, занимаемую кафедрой, я поведала ему о своих первых наблюдениях, навеянных чтением книги Леббока «Жизнь и нравы насекомых». Чёрные садовые муравьи помещались маленькими группами на губчатое резиновое кольцо (вытащенное из родительского пылесоса), плавающее в воде. Деваться им было некуда, и муравьи, первыми нашедшие каплю мёда, без усталости обменивались «сигналами» антенн с теми сородичами, которые находились от пищи далеко. «Пароль скрещенных антенн» (все мы помним название книжки И.А. Халифмана) сразу и надолго связал нас с Игорем Васильевичем. Муравьи были

предметом одного из его многочисленных увлечений, да и какой энтомолог устоит перед странным очарованием кипящего деятельностью муравейника.

Как раз в том же учебном году, в котором состоялась наша встреча, И.В. Стебаев представил на третьем Всесоюзном симпозиуме «Муравьи и защита леса» в Москве два доклада в соавторстве с целой командой студентов, выполнявших его задания на летней студенческой практике (в 1971 г. по этим материалам он опубликовал статью в «Зоологическом журнале»). Работа была удивительной и по объёму полученных данных, и по подходу, соединившему талант наблюдателя-натуралиста и применение методов биогеографии (микромартирование и однотипное отображение результатов разных учётов с помощью изоплет и векторов). Были впервые описаны охраняемые территории у лугового муравья *Formica pratensis* Retz, разделённые нейтральными зонами и «пульсирующие» в зависимости от суточной активности. Исследователи засыпали территорию муравейника толстым слоем речного песка и наблюдали постоянство системы дорог. Было отмечено заселение нейтральных зон муравьями подрода *Serviformica* и впервые высказано предположение о «своеобразном сожительстве» видов и о роли *Serviformica* как возможных «разведчиков»: выкладываемую приманку первыми обнаруживали *Serviformica*, а растаскивали её *F. pratensis*. В опытах с приманками было замечено и стремление этих видов охотиться в разных ярусах: в травостое и на поверхности почвы. Так были заложены интересные направления исследований, Игорь Васильевич стал мечтать о продолжателе этой линии и вот, таким образом, очень быстро его нашёл.

Летняя практика в том году проходила на Алтае, студенческий отряд был размещён в здании школы, в селе Кызыл-Озёк, вблизи впадения реки Маймы в Катунь. Это была первая в моей жизни экспедиция, и я сразу была назначена «начальником» небольшой группы «муравьистов» — своих же сокурсников (все они стали впоследствии известными биологами, среди них доктора биологических наук Л.И. Серова и Т.М. Хлебодарова). Мы получили такое напутствие: «ищите, что найдёте, и делайте, что хотите». Нашли мы на склоне горы большую колонию *Formica exsecta* Nyl. и занялись их территориальными отношениями. Метить муравьёв с помощью лака для ногтей (тогда дефицит, но в глубинке был) нас научила З.А. Жигульская, приехавшая на Алтай обсуждать с руководителем свою диссертационную работу. Игорь Васильевич с энтузиазмом поддерживал все экспериментальные идеи. Помню, как мы возвращались в кузове грузовика из Маймы, где купили оконные стёкла для огораживания муравейников (чтобы заставить соседей обнаружить свои территориальные притязания) и пластилин с нафталином (чтобы муравьи в отдельных опытах ходили в указанном нами направлении). С нами была Л.В. Высоцкая (тогда сту-

дентка-дипломница). С улыбкой, указав ей на вцепившуюся в большие стёкла первокурсницу, Игорь Васильевич сказал: «Вы видите абсолютно счастливого человека». Надо ли говорить, что так оно и было.

Мои воспоминания об этой летней практике не ограничиваются работой с муравьями и романтическими интереснейшими экскурсиями на Семинский перевал и в долину реки Катунь. Надо сказать, что Игорь Васильевич уделял студентам чрезвычайно много внимания, это всегда было нормой его преподавательской жизни. Он привёз на практику слайды и по вечерам читал нам курс лекций о живописи и о древнерусской архитектуре. Мы, уже засыпающие, взбадривали себя крепким чаем, а он, казалось, вовсе не знал усталости. Вставал рано и отправлялся писать маслом этюды. К завтраку уже возвращался, начиная очередной трудовой день, без усталости переходя от одной студенческой группы к другой.

В многочасовых вечерних беседах со студентами Игорь Васильевич старался донести до нас дух Московского университета, романтику научной работы в Зоомузее МГУ и на кафедре энтомологии, которой руководил в те годы (1940–1972) профессор Евгений Сергеевич Смирнов. Игорь Васильевич много рассказывал об этом замечательном учёном, оказавшем большое влияние на его научное развитие. Е.С. Смирнов был не только известным диптерологом, но и крупным теоретиком в области систематики насекомых, основоположником теории нумерической таксономии. Интересно отметить, что все выпускники кафедры, которые, как рассказывал Игорь Васильевич, получили постоянные рабочие места в Зоомузее МГУ (что было большой честью), стали впоследствии известными энтомологами: Д.В. Панфилов, Г.А. Мазохин-Поршняков, Г.А. Викторов, А.К. Загуляев, И.В. Стебаев, А.Б. Ланге, А.А. Земская. Меж тем, времена были нелёгкие. Когда все эти энтомологи начинали учиться, деканом биолого-почвенного факультета (1948–1949 гг.) был печально известный академик ВАСХНИЛ И.И. Презент. Да и позднее ситуация складывалась отнюдь не в пользу фундаментальной науки. Биология в СССР с конца 1930-х до конца 1950-х гг. была густо приправлена идеологией и напоминала поле боя. Отметим, что оба учителя И.В. Стебаева — Г.Я. Бей-Биенко и М.С. Гиляров — были в числе подписавших известное антилысенковское «письмо трёхсот», направленное в 1955 г. в Президиум ЦК КПСС.

Игорь Васильевич старался в своих рассказах установить преемственность поколений и в своём общении с нами, первокурсниками, не ограничивался, конечно, историческими справками. На выездных экскурсиях, в вечерне-ночных бдениях у костра он много рассказывал об экспедиционных приключениях и учил нас петь песни. Слуха у него не было совсем, и пел он ужасно, мелодии едва угадывались в звуках, которые напоминали, ско-

рее, гудение сантехники, но всё искупал энтузиазм, и мы готовы были бесконечно слушать. От Игоря Васильевича мы впервые услышали знаменитую «Холодную ночёвку» («Передо мной Белала-Кая стоит в туманной вышине»), сочиненную в 1930-е гг. известным физиком (и альпинистом) Львом Ароновичем Сена. Особенно забавно в его исполнении звучала песенка «Лежат в тазу четыре зуба...»: «...А женщина-врач хохотала — гы-гы! — Я голос Маруси узнал!» Пели, конечно, и бессмертный «Глобус» (мало кто помнит, что в основе этой песни лежит песня «За зелёным забориком», слова и мелодию которой сочинил Михаил Светлов). Чаше других звучал любимый Игорем Васильевичем «Гимн почвоведу», который пели на кафедре биогеографии МГУ.

Нужно сказать, что требования к работе, выполняемой в ходе практики, были высокими. Результаты исследований обрабатывались и защищались, как курсовые, здесь же, в поле. Для каждой работы назначались внутренние рецензенты (из числа сокурсников), а внешними рецензентами были приехавшие в гости старшекурсники, среди которых Л.В. Высоцкая и П.М. Бородин (ныне — известные профессора). Нужно было представить не только графически иллюстрированный доклад, но и смонтированную коллекцию изучаемых животных. Своих муравьёв мы определяли по только что вышедшей в свет (1967 г.) книге Г.М. Длусского.

Приехав в Новосибирск, мы продолжали встречаться с Игорем Васильевичем и обсуждать полученные на практике результаты. Он предложил мне поехать слушателем на Международный энтомологический конгресс в Москву (август, 1968 г.) с тем, чтобы сразу соприкоснуться с наукой мирового уровня. На всю жизнь запомнились тексты телеграмм, которыми И.В. Стебаев обменялся со своим молодым другом и коллегой Г.М. Длусским: «Сообщите будут ли конгрессе муравьиные доклады можно ли проникнуть студенту Стебаев» — «Будет мирмекологический симпозиум более 20 докладов Гена». Для первокурсницы это было в те годы головокружительное предложение, и у меня не хватило смелости. Так что я никуда не поехала, но зато, просидев остаток лета над колонией рыжих лесных муравьёв, заложила целую систему экспериментальных исследований. В сентябре я представила Игорю Васильевичу шесть школьных тетрадок с описаниями опытов и с приложением множества графиков и фотографий. Там были и перестановки кормушек с выманиванием муравьёв в разные секторы территории, и первые опыты, посвящённые «обмену информацией», на которых были основаны далеко идущие предположения о том, что у муравьёв есть «библиотека, хранимая в муравьях». Среди опытов был и такой: муравейник окружался бинтом, пропитанным сахарным сиропом, и муравьи в разных секторах купола в массе метились из пульверизатора нитрокраской. При последующих учётах оказалось, что муравьи, поме-

ченые в разных секторах, на куполе не смешивались. Надо сказать, что школа, пройденная на студенческой практике, не пропала даром: отчёты об экспериментах были изложены вполне грамотно и снабжены литературными ссылками, в частности, на работы Добжанской и других мирмекологов.

Что же сделал И.В. Стебаев с тетрадками второкурсницы? Он отложил работу над докторской (которой был тогда вплотную занят), подклеил к каждой странице тетрадок поля и написал на них множество замечаний и комментариев, которые мы потом вместе обсуждали. Он сразу наметил план образования студентки, снабдил её первой порцией литературы из своей библиотеки (из самых разных областей науки: экологии, энтомологии, теории эволюции, зоогеографии, геоморфологии) и уже в октябре послал в Москву, снабдив рекомендательными письмами к своим друзьям, сокурсникам и учителям. Так, в письме своей сокурснице Светлане Иннокентьевне Келейниковой, которая провела потом со мной немало времени в Зоомузее МГУ, он писал: «Хочу, чтобы она вдохнула запах нашего старого факультета, она уже знает в этом толк». Я познакомилась тогда с Юрием Ивановичем и Ниной Михайловной Черновыми, Юлией Борисовной Бызовой, Беллой Рафаиловной Стригановой. Показала свои тетрадки А.А. Захарову, который готовился тогда к защите кандидатской (декабрь 1968 г.). Огромное значение для моей научной судьбы имело знакомство с Константином Владимировичем Арнольди, основателем научной школы мирмекологов в СССР, зоогеографом и энтомологом, человеком энциклопедических знаний и огромного душевного благородства. К нему я тоже явилась с рекомендательным письмом от его младшего друга и коллеги И.В. Стебаева. Стоит отметить, что одна из «сюжетных линий» биогеографии, которую разрабатывал Игорь Васильевич и передал своим ученикам-зоогеографам как нерешённую до конца проблему — это порядок формирования «внутреннего кружева ареала» [Арнольди, 1957]. Эту задачу мы вместе с Игорем Васильевичем, в мои аспирантские годы, старались решить и на муравьях. Константин Владимирович в течение многих лет уделял мне немало времени, обучив основам систематики муравьёв и беседуя на самые разные темы (он был и оппонентом моей кандидатской).

С Г.М. Длусским мы тогда не увиделись, и познакомились немного позже, в 1969 г., когда он приехал в Новосибирск оппонировать на защите З.А. Жигульской. Небольшое помещение кафедры общей биологии (помещавшейся тогда в здании Вычислительного центра) было к тому времени уже заставлено аренами из оцинкованного железа, на которых муравьи решали задачи в лабиринтах, сделанных из аптечных клизм и стеклянных трубочек, а также склеенных из картона. Геннадий Михайлович (тогда 32-летний), глядя на это пиршество экспериментального подхода, сразу предложил мне

переводиться в МГУ и впоследствии идти к нему в аспирантуру. Я, однако, осталась при своём шефе, но они с Игорем Васильевичем договорились, что я присоединюсь в марте 1970 г. к экспедиционному отряду в Туркмении, руководимому Г.М. Длусским, и буду вместе с ним и с А.А. Захаровым изучать экологию и поведение муравьёв пустынь. Финансовую поддержку этому нашему с Игорем Васильевичем начинанию оказал директор Института физиологии СО АН СССР Абрам Донович Слоним, который живо интересовался всеми «муравьиными» исследованиями своего друга, и, прежде всего, теми из них, которые имели отношение к поведению. То, что студентка И.В. Стебаева прогуливает занятия по пол-семестра, к третьему курсу стало уже привычным в университете, а для меня участие в этой экспедиции стало замечательной школой. Демонстрационная база кафедры тогда пополнилась большим количеством экспонатов пустынных животных, а многие представители пустынной фауны ещё долгое время жили у меня дома.

Ещё до Туркмении, летом 1969 г., Игорь Васильевич повёз студенческую практику в Хакасию и взял меня туда уже как помощницу и руководителя большой студенческой группы. К нашей экспедиции присоединился декан ФЕН Дмитрий Георгиевич Кнорре (тогда чл.-корр. АН СССР), который смолоду был известным любителем горного туризма и впоследствии стал участником многих наших поездок. Муравьи ему нравились, хотя обращался он с ними грубовато: однажды напоил древоточцев портвейном и следил, сколь извилистыми делаются их траектории. На обратном пути мы остановились на стационаре красноярского Института леса СО АН СССР, и тут вдруг Игорь Васильевич сказал: «Жанна, а давайте я Вас здесь оставлю!» Сказано — сделано. Долгие годы мы с коллегами впоследствии, попадая в какие-нибудь полевые приложения, хором цитировали телеграмму, присланную мне родителями: «Прогнозы Хакасии сплошные дожди песках застрянешь не выберешься сворачивай работу приезжай домой». Вернувшись в Новосибирск, Игорь Васильевич прислал мне в помощь второкурсника Л.А. Якубова (ныне известный молекулярный биолог), которому надо было пройти практику. К этому времени сотрудники стационара уже увлечённо помогали мне клеить круговые лабиринты из бумаги. С помощью этих лабиринтов и были впервые экспериментально доказаны мутуалистические отношения между видами муравьёв. Результатом этой работы стала до сих пор цитируемая публикация 1972 г.: «Stebaev I.V., Reznikova J.I. Two interaction types of ants living in steppe ecosystem in South Siberia, USSR. *Ekologia Polska*. 20: 103–109».

По окончании третьего курса (летом 1970 г.) Игорь Васильевич направил меня для прохождения летней практики на кафедру энтомологии МГУ

под руководством своего друга и сокурсника профессора Георгия Александровича Мазохина-Поршнякова. Впоследствии это взаимодействие вылилось в длительную дружбу, и на кафедре энтомологии (которой Георгий Александрович заведовал с 1972 по 1990 г.) я защищала докторскую диссертацию (1990 г.). Тем летом, на биостанции МГУ в Чашниково, для меня стало очень важным научным и жизненным опытом участие в пионерных экспериментах Георгия Александровича по изучению интеллекта медоносных пчёл. Игорь Васильевич дал мне «карт бланш» и на другие научные путешествия, и я приняла участие в опытах Е.К. Еськова (на биостанции под Рязанью) по изучению звуковой коммуникации медоносных пчёл, побывала на стационаре МГПИ в Малинках, где ознакомилась с работами по почвенной зоологии под руководством Н.М. Черновой. Таким образом, И.В. Стебаев старался воспитать из ближайшей своей тогдашней помощницы всесторонне развитого специалиста.

Под руководством Игоря Васильевича, который не только занимался моим образованием по индивидуальной учебной программе, но и без устали преподавал мне основы экспедиционной жизни, я из домашней девочки, оставившей карьеру пианистки, постепенно перековалась в умудрённого полевым опытом начальника отряда. Во время выполнения дипломной работы я провела полгода на Карасукском стационаре Биологического института СО АН СССР и тем летом руководила студенческой практикой. К этому времени экспериментальные мастерские НГУ работали уже на нашу кафедру как на основного заказчика, и мне нравилось проводить там массу времени за обсуждением чертежей и опытных образцов.

Написание моей дипломной работы под руководством Игоря Васильевича совпало с выходом на финишную прямую его докторской диссертации — труда настолько объёмного, что мы с его тогдашней супругой и верной соратницей Софией Кузьминичной Стебаевой провели много дней и ночей за технической работой по приведению в порядок текста и графиков. Диссертация состояла из нескольких томов текста приложений. Защита диплома (1972 г.) мне вспоминается на этом фоне как в тумане. Замечу, что рецензентом моей дипломной работы был будущий директор Института, в котором мне предстояло работать, Вадим Иванович Евсиков (тогда молодой сотрудник ИЦиГ СО АН СССР). На следующий же день мы поехали выбирать место для студенческой практики на Салаирский край с Игорем Васильевичем, Софией Кузьминичной и их белой лайкой Тургаем.

Семидесятые годы XX в. — это период бурного развития стебаевской кафедры. На кафедре появилось много молодых преподавателей, сотрудников и аспирантов, каждый из которых вносил свою долю в общую атмосферу творческого подъёма и научного энтузиазма. В те годы круг изучаемых объектов и поставленных задач достиг своего максимума.

Основным объектом были саранчовые, по которым у И.В. Стебаева постоянно работали сотрудники, аспиранты и дипломники. В разные периоды это были С.И. Никитина, Л.В. Омельченко (которая параллельно занималась и муравьями вместе с З.А. Жигульской), А.В. Лопаткин, Н.Н. Соболев, Т.Т. Мягкая, А.И. Ли, Л.Б. Пшеницына, С.Р. Насырова, А.Г. Бугров (будущий декан ФЕН), М.Г. Сергеев (впоследствии возглавивший кафедру). В состав кафедры вошёл отдел микробиологии со своими учебными курсами и научным направлением, которое под руководством И.В. Стебаева вела И.С. Андреева — яркая, артистичная личность и одарённый художник, что было немаловажно для общественной активности кафедры. Она работала в содружестве с одной из первых учениц Игоря Васильевича, альгологом профессором Ж.Ф. Пивоваровой (зав. кафедрой ботаники и экологии НГПУ). Роль фекалий саранчовых в процессах почвообразования и исследование зоомикробиологических комплексов стали предметом особого научного увлечения Игоря Васильевича. По этому поводу, на один из праздников (кажется, в честь защиты докторской), В.Г. Мордкович подарил ему забавную самодельную инсталляцию: саранчук, выходящий из мини-атюрного (со всеми деталями) деревенского жулика. На кафедре процветало и направление, связанное с изучением почвенной фауны, прежде всего, коллембол. Его курировала С.К. Стебаева (работавшая в Биологическом институте), а по кафедре И.В. Стебаев руководил аспирантками Е.П. Бондаренко и Т.И. Суховой. Ассистентом основных курсов (а в последствии на несколько лет зам. зав. кафедрой) стал В.В. Заика, который под руководством И.В. Стебаева занимался поведением и экологией стрекоз. К этим «небесным» объектам к концу десятилетия прибавились шмели: в аспирантуру для изучения этих насекомых поступил Н.Р. Богатырёв. Ассистентом по зоологии позвоночных стал мой сокурсник А.П. Кроков, который занимался этологическими основами межвидовой гибридизации сорокопутов.

Всё это клубилось, бурлило, пело, рисовало (в том числе все были заняты рисованием всё умножающихся огромных таблиц к учебным курсам). В 1975 г. кафедра, в очередь с другими (уже многочисленными) кафедрами факультета, проводила «Феникс» (от ФЕН — факультет естественных наук). Это был большой «капустник», на котором были задействованы все таланты кафедры, разыграны большие стихотворные пьесы. Они отличались отнюдь не правоверной идеологической направленностью, хотя на сегодняшний взгляд были вполне невинны. В одной пьесе в саркастических тонах рисовалось грустное будущее землян, загадивших родную планету своим плановым хозяйствованием, в другой, которая называлась «Доктор Фауст в Дарвин-колледже», герой с первых же строк признавался Мефистофелю: «Мною движет любовь к эксперименту и любопытство» (а разве это долж-

но двигать советским ученым?). Увы, этот «Феникс» был последним. Игорь Васильевич веселился на этом празднике от души, хотя ему, как руководителю кафедры, не пришлось долго ждать «выволочки» от тогдашнего партийного начальства. Были на «Фениксе» и камешки в огород самого Игоря Васильевича, впрочем, весьма добродушные. Среди них сказка «Как Курдль Сепулька нанимал», в которой весело нагромождались одно на другое немислимые задания разного рода и ранга («...машину экспедиционную загрузишь, эксперимент проведёшь, практику летнюю тоже проведёшь и спи-отдыхай... И ведь недаром, Сепулька! Я тебе платить буду! Сто дней — сто рублей! Куда ты убегаешь?»). Всё это было очень близко к действительности.

Празднование пятидесятилетнего юбилея Игоря Васильевича в том же году проходило на большом подъёме, бурно и весело. Разыгрывались скетчи, читались стихи. Из замечательной стихотворной баллады В.Г. Мордковича мне запомнилось:

«И вот он ставит свой башмак

Туда, где не ступал Ермак!»

Географические «аппетиты» Игоря Васильевича и впрямь были ошеломляющими. Карта его исследований тех лет охватывает практически всю территорию Советского Союза, от Дальнего Востока до западных границ европейской территории, от Таймыра до границы с Китаем, включая горные районы Алтая, Таджикистана, Тувы и практически всю территорию Казахстана. Я, кстати, несла за всё это юридическую ответственность, будучи бессменным начальником отряда (каковой начальник с некоторыми своими группами вынужден был поддерживать связь только телеграммами).

Спартак Тимофеевич Беляев, ректор НГУ с 1965 по 1978 г., во всём поддерживал бурную научную и учебную деятельность И.В. Стебаева и санкционировал введение весенней экспедиционной практики студентов, руководителем которой назначили меня. От открывающихся географических возможностей у нас с Игорем Васильевичем, как сейчас бы выразились, «сносило крышу». Ткнув пальцем на карте в горы повыше и подальше, я, с благословения Игоря Васильевича, отправлялась с отрядом студентов (обычно около 25 человек), гружёных экспедиционными ящиками на ремнях («вьючками»), с заданиями для сбора научного и демонстрационного материала. Через эту студенческую практику прошли многие нынешние сотрудники Сибирского отделения РАН, среди которых сейчас немало известных исследователей. Связь «с центром» поддерживали, опять же, телеграммами. Часто, по молодости и глупости, попадали в рискованные ситуации. Однажды под Алма-Атой (в районе Медео) чудом не попали в сель, в горах Таджикистана потеряли товарищей и были вынуждены мобилизовать на поиски весь местный транспорт (нашли почти сутки спустя). В наших скитаниях и приключениях весьма помогали пачки рекомендательных писем на бланках НГУ, подписанных ректором и

адресованных местным начальникам («в райком... такого-то района от ректора НГУ»). Действовали они безотказно. Где-то в моих архивах хранится такой бланк с резолюцией местного «бонзы»: «...выдать отряду 2 кг мяса барана».

Как уже говорилось, И.В. Стебаев сумел объединить в гармоничное целое такие, казалось бы, далекие области, как энтомология, почвенная зоология, геоморфология, ландшафтоведение и этология, и сделал это на высоко профессиональной основе. Об его отношении к этологии хочется сказать особо. Этологические идеи, как известно, внедрялись в Советском Союзе с большим трудом. Этология, хотя и не была так преследуема в годы лысенковщины, как генетика, но зато в течение ещё более долгих лет подвергалась медленному удушению. И даже уже в 1970-е гг. термины и идеи этой науки с трудом пробивали дорогу. В этом плане взгляды Игоря Васильевича были весьма прогрессивными. О многом говорит название сборников научных трудов, издаваемых в те годы на кафедре общей биологии «Этологические проблемы экологии насекомых Сибири» и на дружественной нам кафедре Томского университета «Этология насекомых и клещей». При кафедре мы с Игорем Васильевичем организовали для студентов «Этологический кружок имени Фабра», при котором была и студенческая природоохранная дружина (пробороз нынешнего Эколуба).

Сам он, вместе со своими учениками, увлечённо исследовал поведение разных жизненных форм саранчовых, не только в полевых наблюдениях, но и в величественном лабораторном эксперименте, объединившем методы составления этограмм и картограмм: насекомые помещались в центральную часть огромного прозрачного куба, состоявшего из мелких кубиков с переходами между ними; картируя передвижения саранчового в этом трёхмерном пространстве, можно охарактеризовать поведение представителей разных жизненных форм. Об этих исследованиях, а также о методологических подходах к изучению поведения насекомых — обитателей разных жизненных ярусов — можно прочесть в статьях И.В. Стебаева, опубликованных в «Энтомологическом обозрении» в 1981 и 1982 г.

Я думаю, что все эти годы заведования кафедрой (1968–1983) Игорь Васильевич, окружённый многочисленными учениками, любимый студентами, фонтанирующий научными планами, был по настоящему счастлив. Он, по сути, основал сразу несколько научных школ в Сибири: почвенной зоологии, ортоптерологии, ландшафтной экологии и мирмекологии. В 1980-е гг. и позднее, оставаясь профессором на кафедре и руководителем целого ряда научных проектов, И.В. Стебаев, возможно, вступил в более спокойную полосу жизни: меньше длительных путешествий (хотя и в 1980-е гг. ещё гремели его экспедиционные подвиги), больше размышлений, ещё больше опубликованных статей и книг. Так, в 1993 г. вышел фундаментальный двух-

томный учебник И.В. Стебаева с соавторами «Общая биогеосистемная экология».

Мне трудно проследить его творческий путь, начиная с 1980-х гг., так как уже к концу 1970-х наши дороги начали расходиться. Не секрет, что с вырастающими учениками отношения Игоря Васильевича почти всегда начинали осложняться, и в период защиты кандидатской большинство его соратников отдалялись; впрочем, никто из них не забыл о роли в их становлении этого разностороннего мыслителя. Об этом, видимо, не стоит умалчивать, так как сложный и противоречивый облик И.В. Стебаева не нуждается в лакировке. Накапливались обиды и у меня. Так, в упомянутых выше двух статьях в «Энтомологическом обозрении» (1981 и 1982 г.) Игорь Васильевич целиком привёл разработанную мной систему экспериментальных методов исследования поведения и экологии муравьёв, сделал это без моего ведома — хотя, казалось бы, можно было поступить иначе... Эти обиды, конечно, давно прошли, и в 1980–1990-е гг. мы плодотворно, хотя уже и редко, общались с Игорем Васильевичем. Ведь мы с ним прошли ещё один исторический этап развития кафедры: в 1977 г. им был создан и многие годы успешно функционировал Кабинет экологии стадных и общественных насекомых — уникальное научное подразделение, связанное с НГУ и Биологический институт СО АН СССР (с 1993 г. — ИСиЭЖ СО РАН).

У Кабинета было два заведующих: И.В. Стебаев со стороны НГУ и я со стороны Института. К тому времени я была вынуждена аспирантуру НГУ закончить досрочно. Потихоньку теснить с родной кафедры меня начали уже к 1976 г. (как раз к защите кандидатской), а «спусковым крючком» послужила эпиграмма, брошенная мною в пере-

полненный Большой зал Дома учёных на праздновании 15-летия факультета. Соревновались КВН — команды студентов и преподавателей (а я была аспирант-преподаватель), и задание было — сочинить экспромтом рекламу факультета. Думаю, что, если Дмитрий Георгиевич Кнорре, тогдашний наш декан, прочтёт эти строки сейчас, то он не обидится, а улыбнется. Было задето его любимое детище, так называемый «гибридный поток» («биохимики»):

«Всё, что нетленно — создано ФЕНОм!

У нас в хромосомах — лучшие гены.

Сделать гибрид редьки и хрена

Под силу только декану ФЕНа.»

Но тогда после такой «рекламы» дни мои в аспирантуре были сочтены, и Игорь Васильевич также настаивал на моём переходе в Институт.

На моей памяти ещё две большие «кабинетные» экспедиции с Игорем Васильевичем — в 1977 г. в Казахстан (я с частью отряда сидела там всё лето, а он ещё и повёз большую группу на Дальний Восток) и в 1978 г. — в Туву. С рождением двух моих детей (1979 и 1980 г.) и, соответственно, длительными отпусками, Кабинет утратил свою структурную самостоятельность и стал составной частью лаборатории экологии насекомых. Однако он жил полной научной жизнью до самого конца 1990-х, когда произошла реорганизация подразделений Института. Не прерывались и научные контакты с Игорем Васильевичем, хотя они становились всё более редкими и непродолжительными.

Безусловно, Игорь Васильевич был удивительным учёным, незаурядной личностью и учителем, который мог зажигать сердца. Сейчас в Сибири столько научных внуков и правнуков Игоря Васильевича, что можно не сомневаться: память о нём и его идеи будут жить очень долго.

Поступила в редакцию 1.02.2010